

ДАНИЛО КОГУТ

Данило Романович Когут и впрямь оказался очень занятым человеком. Могутченко не случайно назвал его богатырем. Ростом в добрую сажень, с широченными плечами, могучей грудью, копной рыжих кудрей на голове и такой же огненной курчавой бородой, он по внешности действительно напоминал былинного русского богатыря. Когда Когут сидел, опершись локтями о стол и положив на скатерть тяжелые узловатые кулаки, со стороны и в самом деле могло показаться, что присел Илья Муромец отдохнуть чуток после тяжелых богатырских трудов.

Однако это впечатление пропадало, когда Данило Романович шел или, как определил Полозов, «шкандыбал». Вместо левой ноги у богатыря от колена шла деревяшка. Правда, как и положено, она была тоже богатырского размера. Когут сам смастерил ее из основательного обрубка полувековой липы.

На взгляд Полозова Данило Романович, несмотря на могучесть, был очень стар. Ему уже, безусловно, перевалило за пятьдесят. А вот жене Когута Гале никак нельзя было дать больше двадцати — двадцати трех лет. Иван недоумевал: что связало молодую женщину с человеком, который больше годился ей в отцы, но уж никак

не в мужья. И ведь не дурнушка какая-нибудь, а писаная красавица. А глаза у Гали... Иван каждый раз густо краснел, когда Галина останавливала на нем свой взгляд. Таких глаз, огневых и ласковых, дерзких и в то же время настороженных он ни у кого не видал.

Данило Романович, правда, не сразу, но все же разглядел, как действует взгляд его жены на молодого чекиста. Не раз прямо при Иване он шутливо предупреждал Галю.

— Ты бы поосторожнее, Галина, а то наш гость горницу спалить может. Гляди, как полыхает?! Чистый пламень!

В добродушно насмешливом почти отцовском отношении Данилы Когута к тому, как действуют на Ивана взгляды Гали, было что-то необычайное. В те времена любой муж счел бы своим неперменным долгом «проучить» жену, чтобы та не пялилась на посторонних, а заодно накостылять шею и этому постороннему, чтобы впредь не повадно было ему заглядываться на чужих жен. Но Данило Романович, видимо, крепко верил своей Галине и, кажется, даже гордился тем, что его, не очень молодого, увечного человека, не за богатство, не за служебное положение, а вот просто так, ни за что любит молодая и красивая женщина.

Данило Романович оказался книголюбом, правда книголюбом не совсем обычным. Он признавал только те произведения, в которых рассказывалось о необычайных приключениях, о трагических событиях, о жизни физически и нравственно сильных людей, умевших прорываться через любые преграды к намеченной цели. В раздобывании таких книг Данило Когут был поистине неутомим. Собранная им библиотека с трудом размещалась на шести полках, тянувшихся вдоль всей стены во второй, чистой комнатке его домика на шестьсот второй версте. Полозов, знакомясь с библиотекою Когута, отметил про себя, что среди годовых комплектов «Всемирного следопыта», «Мира приключений», «Вокруг света», «На суше и на море», на полках стояло много таких книг, названия которых Иван даже не слышал. Скоро Полозов узнал, что в адрес Когута часто приходят посылки с книгами, что Даниле Романович из глуши вятских лесов сумел завязать крепкое знакомство с букинистами Москвы и Ленинграда.

Данило Романович не хранил свои литературные богатства под спудом. Все, кто работал на станции могли брать у него книги. Правда, любителей чтения было мало. Книгами Когута изредка пользовались только сам начальник станции бывший дворянин Жеребцов, да мечтательный юноша Станислав Кабелко, родом белорус, но из романтических побуждений придумавший себе аристократических польских предков. Эти мифические предки в свое время сильно заинтересовали Могутченко. Но, выяснив правду, начальник отдела пренебрежительно махнул рукой:

— И с чего бы это посконного дурака к сиятельствам потянуло? Для девок, что ли? Нехай брешет, когда ему то любо, аристократ свинячий!

Неизвестно каким образом, но случайно обретенное начальником отдела прозвище получило известность, и золотушный, мечтательный юноша на долгое время превратился в «свинячего аристократа», объединявшего в своем лице сразу три должности: начальника, весовщика и сторожа багажного отделения. Кабелко обычно читал мало. Все свои свободные часы он посвящал уходу за двумя перезревшими дочками Жеребцова, терзаясь сомнениями, на которой из них остановить свой выбор. Время от времени оскорбленные нерешительностью вздыхателя, обе девицы давали ему друж-

ный отпор. И тогда, оставшись на несколько вечеров в одиночестве, Кабелко с горя искал забвения в литературе.

Зато Иван Полозов с первых же дней близкого знакомства с Когутом стал ревностным читателем его библиотеки. Книги интересовали его больше, чем сам Данило Когут и даже Галя.

До этого Иван, успевший проучиться всего полторы зимы в сельской школе, не подозревал, что о разведке и контрразведке могло быть написано столько книг. Сейчас он глотал их одну за другой, соглашаясь или не соглашаясь с выводами авторов, но всегда приходя в ярость от того, что о советской контрразведке ничего путного еще не написано. «Что за сволочной народ эти писатели, — не раз думал Иван, закончив очередную книжку. — О разных Джеках да Чарли разводят муть, а вот как Степка Петухов защучил колчаковского офицера связи — написать не могут. А ведь у Степки-то покруче получилось. Да и не из-за денег, не из-за наследства парень на пули лез».

Читая взятые у Когута книги, Иван заметил, что Данило Романович все их прочитывал от доски до доски. На полях корявым почерком Когута были начертаны краткие, но энергичные оценки вроде «парень-то башковитый» или «хитро придумал», «ну, уж это хреновина!» Вначале Полозова забавляли эти краткие сентенции, но они попадались почти на каждой странице и в конце концов Иван перестал обращать на них внимание.

Иван читал все книги подряд, но интересовался больше всего теми произведениями, в которых борьба шла не из-за денег или власти, а из-за каких-либо более высоких ценностей, таких, как верность долгу, отмщение обидчику или уж, на худой конец, любовь к девушке.

Вот и сейчас Иван лежа раздумывал, не пойти ли ему к Даниле Романовичу. Говорили, что сегодня в адрес обходчика пришла посылка с книгами, и Полозову хотелось взглянуть на новинки.

— Пойду! — решил он и поднялся с постели. От ставшего уже привычным недомогания не осталось и следа. Голова была чистая, в висках не ломило и даже пробитое бандитской пулей плечо совсем не ныло. — Пойду на часок. Проветрюсь и книжку заменю.

Полозов оделся, вытащил из-под подушки наган, сунул его в рукав полушубка и вышел из комнаты.

— Я буду на шестьсот второй, — сказал он уже вернувшемуся с развода Козаринову. — Если что, позвоните...

— Идите, не сомневайтесь, товарищ командир, — козырнул в ответ отделком. — Все будет в порядке.

В распоряжении Полозова была дрезина, но в морозный светлый вечер не хотелось возиться с выводом ее на линию. После многих часов лежания в душевной казарме холодный воздух бодрил Ивана. Да и пути-то было всего одна верста.

Иван размашисто зашагал вдоль рельсов к семафору. Он шел, глубоко вдыхая свежий морозный воздух, чувствуя, как весь наливается силой, что здоровье действительно вернулось.

Сразу же за семафором начинался железнодорожный мост, совсем небольшой, всего в три коротеньких пролета. Здесь, путаясь между холмов, зверея только в весеннее половодье, маленькая речушка Пижанка в течение многих веков вырыла глубокий, с отвесными берегами овраг. Шагая по узкой дощатой дорожке вдоль перил, Иван невольно подумал о том, сколько тысяч поездов остановилось бы в пути на всем протяжении от Москвы до Владивостока, если бы до этих гранитных устоев и стальных ферм дотянулась рука врага. Но, гарантируя сохранность моста и безопасность пролетающих по нему эшелонов, впереди зачернела фигура часового.

«Кто сегодня на посту? — взгляделся в темную фигуру Иван. — Кажется, Леоненко».

На посту и в самом деле стоял Леоненко. Чернявый коренастый украинец встретил и проводил командира взвода неторопливым поворотом головы и добродушной улыбкой. «Здоров, чертяка, — с легкой завистью подумал Иван, отковыряв часовому. — Ничего. Скоро и я наберу полную силу».

В сотне сажен за мостом полотно дороги выходило на высокую насыпь и, полого загибаясь влево, скрывалось в лесу. Куда бы с этой высокой насыпи Иван ни кинул взгляд, всюду чернел лес. Только узенькая полоса отчуждения да ничтожная площадка под станцией и складами были отвоеваны у густохвойных велика-

нов. Отвоеваны ли? Ведь и на самой станции, около вокзала, пакгаузов и жилых помещений высятся эти гиганты. Лес словно отпрянул от станции, а затем, подумав, послал вперед своих самых стойких разведчиков, понаблюдать, чем заняты, над чем копошатся люди, осмелившиеся ворваться в самую середину лесной державы.

Вот и жилище обходчика шестьсот второй версты. Иван остановился на гребне высокой насыпи. Значительно ниже его, в котловине, на небольшой поляне приютился домик Когута. Два окна освещены. Данило Романович, проводив вечерний скорый на Москву, сейчас, конечно, готовится к любимому своему занятию — чаепитию. Галина, наверное, хлопочет у самовара, заваривая погуще, «с деготьком», как говорит старый Когут.

Полозов сбежал по крутому откосу насыпи. Хорошо натоптанная тропинка проходила под самыми окнами и, завернув за угол, упиралась в дощатые ступени крыльца. Дальше было все как в тысячах других жилищ путевых обходчиков. Слева, в глубине двора, стояла банька, правее — хлев, дровяник и погреб. Посредине двора — колодец с воротом, по-хозяйственному убранный под дощатую шатровую крышу. А все это стандартное казенное обзаведение с трех сторон окружала стена стволов и хвоистых ветвей. Двор Когутов был просто врублен небольшим квадратом в густой, подступивший к полосе отчуждения, лес.

Иван по привычке без шума вошел в тесовые сени и удивленно остановился. Дверь в комнаты была полуоткрыта. Полозов знал, что Данило Романович, способный целый морозный день в одной рубашке колоть на дворе дрова, в комнатах любит тепло и даже жару. А тут на тебе! На улице градусов двадцать, а дверь чуть не настезь. Иван хотел уже окликнуть хозяев, когда до него донесся взволнованный голос Галины.

— Да чем так мучиться, лучше выкинуть им все, и дело с концом. Пусть подавятся.

— Такие не подавятся, — ответил жене Данило Романович, и Полозов почувствовал в голосе Когута растерянность. — Нельзя им, Галя, отдавать наше. Тогда у них на руках все карты будут.

— Опять уезжать будем? — с легкой дрожью в голосе сказала Галина. — Куда, теперь?

— Никуда, — отрезал Данило Романович. — Ты ловко сообразила, куда спрятать. Только ты да я знаем, где что.

— Извести тебя могут...

— Шерстью не вышли. Что я теленок, что ли? Да и какая им от этого польза. Ведь я все могу в могилу унести.

— Ну так возьми и расскажи все Полозову или съезди на Узловую к Могутченко, пусть посодействует. Или в Москву стучись.

— Думал я об этом, Галя, да ведь как на это посмотрят? А там и моя судьба похоронена. Хоть облыжная, а похожая на правду. От такой штуки у любого голова закружится.

Разговор очень заинтересовал Полозова, но оставаться дальше незамеченным было нельзя. В комнате, словно почувствовав присутствие постороннего, замолчали. Затем послышалось постукивание деревяшки, видимо, Данило Романович решил закрыть дверь. Поэтому хлопнув сенную дверь, Иван притопнул ногами по полу и даже выбил что-то вроде чечетки, словно сильно прозяб на морозе.

— Гей, хозяева! — весело окрикнул он. — Чего дверь-то не закроете, не лето!

— А, Иван Дмитриевич! — отозвался из комнаты Когут. — Догадался, что ты вот-вот заявишься. Заходи, заходи, чаевничать будем.

Иван вошел в переднюю комнату и плотно закрыл за собою дверь.

— Хорошо, что пришел, — суетился около него Данило Романович. — Прислали мне кое-что, сейчас покажу. А дверь-то мы отворяли от дыма. Галя самовар разжигала щепками, труба-то возьми и упади, язвы ее... Полна комната дыму была.

Раздеваясь, Иван сразу почувствовал в комнате какой-то непонятный запах. Ему после свежего морозного воздуха он показался особенно резким. Во всяком случае пахло не дымом от щепок. Запах был тонкий, приятный и незнакомый. «Курил кто-то, — догадался Иван. — Дорогие папиросы или табак высокого сорта. Сам Когут из староверов — не курит, значит, здесь был кто-то чужой. Почему Данило Романович скрывает?»

Однако Полозов ни единым словом не обмолвился о своей догадке. Он спокойно выдер-

жал наблюдающий взгляд Данилы Романовича, сделал вид, что не заметил тревоги в глазах Гали, и с интересом полистал книги, полученные хозяином. Затем долго, не спеша пили чай. Все было так, как было и до этого, как было уже много раз. И все же Иван чувствовал, что прежние благополучие и покой ушли из семьи Когутов. Излишне шумлив был сам Данило Романович и необычайно сдержанно и настороженно держалась Галина. Казалось, что она все время к чему-то прислушивается, то ли к шуму елей за стенами, то ли к тому, что творилось в ее собственной душе. Заметил Иван и еще одну необычную вещь. В правом кармане штанов Данилы Романовича лежал револьвер. Наметанный глаз чекиста не мог ошибиться. Мирный путевой обходчик в своём доме, садясь за стол с женой и приятелем, на всякий случай держал в кармане боевое оружие.

Иван знал, что у Данилы Романовича есть именной наган, подаренный ему командованием. Когут сам как-то показал ему новенький, хорошо обихоженный револьвер с серебряной пластинкой на рукоятке. Но тогда он достал наган из сундука, где оружие лежало не только в кобуре, но даже завернутое в промасленную тряпочку. А сейчас оно оттягивало карман широких пестрядинных штанов хозяина.

И снова Иван сделал вид, что ничего не заметил. Посидев дольше, чем обычно, уже очень далеко за полночь, он начал собираться домой. Заворачивая парочку выбранных Иваном книг в старый номер «Гудка», Данило Романович предложил:

— Ты вот что, Иван Дмитриевич, приходи-ка завтра с ночевкой. Галина по субботнему делу баньку истопит. Знатно попаримся и бутылочкой пречистых слезок богоматери душу погреем.

— Ночевать-то зачем же? — удивился Иван. — Думаешь, я так упарюсь и упьюсь, что ходить разучусь?

— Ну, там увидим, как получится, — как-то серьезно, почти строго ответил Данило Романович, — но баниться приходи обязательно.

— Приду, — пообещал Иван, прощаясь с гостеприимными хозяевами. — Засиделся я сегодня. Смотри, уже четвертый час отстукивают, — кивнул он на ходики, тикавшие на стене.

Несмотря на поздний час и крепкий мороз, Полозов не спешил с возвращением в свою казарму. Ему хотелось обдумать те непонятные факты, с которыми он столкнулся сегодня в семье Когутов. Взбежав по тропинке на крутой откос, Иван остановился и несколько минут стоял на полотне, оглядываясь и прислушиваясь. Ночь была безлунная, но чистое небо так густо усыпали крупные и очень яркие звезды, что их мерцание, разогнав темень, наполнило все вокруг серебристой синевой. Тишина и спокойствие. Однако Ивану более чем кому-либо было известно, какими обманчивыми могут быть эти спокойствие и тишина, если в них скрывается преступление. А в том, что в домик Когутов сегодня вечером заглянуло преступление, Иван не сомневался. Чекистское чутье почти физически ощутимо настораживало все чувства Полозова. «В чем же все-таки причина? Может быть, у Данилы Романовича в прошлом есть что-нибудь преступное? Да нет. Не может быть. Не такой он мужик», — Иван сразу же отбросил мелькнувшую было мысль. За последние два месяца он хорошо изучил характер и взгляды старого партизана и теперь полностью доверял ему. Тогда, может быть, Галя? Но мысль о причастности Галины к преступлению была настолько несуразной, что Иван раздраженно сплюнул, обругал сам себя балдой и зашагал в сторону станции. Надо будет сегодня же написать Могутченко, — решил он, подходя к мосту. — Попросить совета. Может, стоит прямо спросить у Данилы Романовича, о каком «куске», шла речь и кто такие «они», которым «лучше выкинуть» этот кусок.

Но, восстанавливая в памяти подслушанный разговор, чтобы поточнее изложить его в донесении, Иван вдруг остановился, пораженный внезапно всплывшей мыслью. Ведь Данило Романович сказал: «Догадался что ты вот-вот заявишься». Не «ожидал» и не «рассчитывал», а именно «догадался». Догадка никогда не приходит сама, на нее кто-нибудь или что-нибудь обязательно наталкивает. Кто же мог натолкнуть Данилу Романовича на такую догадку?

Между уходом неизвестных из домика Когутов и приходом туда Полозова прошло не очень много времени. Минут пятнадцать, не больше. Значит это он — Полозов, своим приходом спуг-

нул «их» и избавил Данилу Романовича от нежелательных гостей. Видимо, посетители, прежде чем войти в домик Когутов, оставили кого-то наблюдать, чтобы им не отрезали путь к отступлению. Наблюдатель, наверное, стоял на полотне или лежал на краю насыпи. По его сигналу неизвестные и ушли из домика, по всей вероятности не докончив разговора. Ушли низом, не поднимаясь на насыпь, и в сторону переезда, а не станции, иначе он увидел бы их. Видимо, Данило Романович понял причину быстрого ухода своих посетителей, а затем проговорился об этом.

Иван заколебался. Не вернуться ли? Снежок, правда, тонкий и лежит не сплошным ковром, но следы обнаружить все-таки можно. Но, взглянув себе под ноги, Иван отказался от этого намерения. Слишком темно. Следы можно будет разыскать и завтра. Правда, осмотр места днем покажет старому Когуту, что Иван слышал его разговор с женой. Но к тому времени от Могутченко прибудет посыльный с санкцией на прямой разговор с Когутом и таиться от Данилы Романовича будет незачем. А в том, что Могутченко такую санкцию даст, Иван не сомневался.

Вернувшись в казарму, Полозов написал подробное донесение и с первым же поездом отправил бойца на Узловую, приказавшему вручить пакет только лично Могутченко и никому другому.

ПЕРВЫЙ УДАР

Но утром посмотреть следы незваных гостей Ивану не удалось. И помешало этому совсем не то, что даже к полудню нарочный не вернулся с Узловой. Просто на рассвете начался сильный снегопад.

К полудню Полозов начал тревожиться всеерьез. Скоро начнет темнеть, а ответа от Могутченко все еще нет. В баню к Когутам надо идти в шесть-семь, то есть тогда, когда уже будет совсем темно. Вчера незваные гости явились в ранних сумерках, не явятся ли они в это время и сегодня? Хорошего от этой встречи ждать нечего.

Полозову вспомнилось, что Данило Романович рассчитывал сегодня после бани оставить его ночевать. Видимо, старый Когут хотел зару-

читься его поддержкой на сегодняшний вечер. Нет, определенно старику нужна помощь, экстренная помощь.

Приняв решение, Иван некоторое время колебался, кого из двух бывших пограничников, служивших сейчас в его взводе, Леоненко или Старостина лучше послать на задание. Наконец решил, Старостина. Постарше все-таки, опыта больше, недаром сверхсрочником несколько лет служил. Когда начало смеркаться, Иван вызвал Старостина к себе в комнатуху.

— Будете ходить дозором по полотну, сто сажень в ту и в другую сторону от будки шестисот второй версты. Задача: наблюдать за всеми, кто пойдет в домик Когутов. В случае чего-либо подозрительного поднимайте тревогу выстрелом и идите на помощь Когуту. Ясно?

— Так точно. Все ясно, товарищ командир!

— С дозора сниму сам в семнадцать ноль-ноль или около того. О содержании задания доложите только отделкому Козаринову. Больше никому ни слова. Ясно?

— Ясно. Разрешите действовать?

— Идите. Смотрите в оба там.

Старостин ушел, а Иван с неудовольствием подумал, что бойцу придется провести без смены часа четыре. И подменить некем. Задание необычное, а бывших пограничников во взводе всего два. Леоненко сейчас в наряде.

— Ладно, — решил Иван. — Пораньше пойду баниться. Сменю Старостина часа в четыре.

Но провести этот вечер в семье Когутов Полозову не пришлось. Часа через два после выхода Старостина в дозор с самого отдаленного поста на лесоскладе донеслись выстрелы.

Полозов сам повел большую часть свободных от наряда людей к месту перестрелки. Караульному начальнику он приказал проверить все остальные посты и усилить охрану моста.

Пробегая по узким переулкам между высоченных, с двухэтажный дом, штабелей строевого леса, Иван напряженно прислушивался к нервной перебранке выстрелов, с каждым шагом становившихся все ближе.

Тяжело и неторопливо бухала винтовка — это стрелял часовой. Частая и звонкая скороговорка ответных выстрелов была похожа на тьяканье разъяренной стаи собак.

— Из наганов бьют, — на ходу определил Иван и, услышав, как над головой начали тоскливо посвистывать пули, крикнул своим: — Поближе к штабелям держитесь. Быстрее! За мной!

Однако еще до того, как Полозов с бойцами выбрался из узких переулков склада, перестрелка стихла.

На посту было темно. Часовой с вышки увидел подбегавших, скомандовал: «Ложись! Стрелять буду!», но услышав голос Полозова, обрадованно воскликнул:

— Простите, не узнал, товарищ командир. Фонари сволочи разбили, ни черта не видно.

Раскинув прибежавших с ним бойцов цепью вдоль окраины склада и послав за запасными фонарями, Полозов поднялся на вышку.

Часовой доложил, что в сумерках из леса вышли четыре человека. На окрики часового они ответили руганью и стрельбой. Первыми же выстрелами были разбиты ближайшие фонари. После этого нападавшие начали бить по вышке. Часовой ответил на огонь. Нападавшие, прячась за деревьями, несколько минут вели активную перестрелку, а затем, отстреливаясь, отошли.

— Может, под прикрытием огня кто-нибудь проскочил на склад? — спросил Иван часового.

— Ручаться не могу, товарищ командир, — ответил тот. — Надо по следу посмотреть.

Когда принесли фонари, Иван убедился, что нападавшие не переступали границы склада. Тогда он с Козариновым и двумя бойцами вышел на опушку леса, туда, где начинались следы налетчиков.

Подсвечивая фонарями, Иван со своими спутниками направился в глубину леса. Оказалось, что четыре следа было, только около самого склада. Дальше они сливались. И к складу и от склада неизвестные шли след в след «волчьей стезжкой». Замыкающим среди них был человек, обутый в широкие разношенные, грубо подшитые валенки.

Версты четыре бежал Иван по лесу, пытаясь догнать налетчиков. Наконец следы вывели на гладко наезженную лесовозную дорогу и исчезли. Как ни вглядывались Иван и Козаринов в блестящие под огнями фонарей ледяные колеи, отпечатков широких валенок разыскать не удалось.

Нельзя было даже определить, куда повернули налетчики, к лесоприемке или в глубь бора. На всякий случай Иван со своими товарищами добежал до лесоприемки, но, убедившись, что здесь никого чужих не было, вернулся на станцию.

Вести бесполезное преследование по лесу в ночное время Иван не стал.

Вернувшись в казарму около полуночи и даже не сняв полушубка, Иван позвонил в отдел. Он облегченно вздохнул, услышав в трубке спокойный басок Могутченко.

— Уехал, уехал твой посланец, — первым делом сообщил начальник отдела. — Чуть не сутки ждал меня, но все-таки дождался. С твоими наметками согласен. Действуй.

Иван доложил о происшествии сегодняшнего вечера. Выслушав Полозова, Могутченко довольно долго молчал.

— А больше ничего не было? — донесся до уже начинавшего терять терпение Ивана голос начальника.

— Ничего, — подтвердил Иван. — На склад они не прорвались.

— Сдается мне, что они и не пытались прорваться на склад, — ответил Могутченко. — Мост крепко держишь?

— Посты усилил. Люди предупреждены. Не подпустят.

— Сдается мне, что все-таки не в складе тут дело, — окончательно сформулировал свою мысль Могутченко. — Тут какая-то другая подлость готовится. Ты, конечно, со склада глаз не спускай, но и на мосту держи ушки на макушке. К утру сам приеду, посмотрю. Кстати, я договорился с железнодорожным начальством. Все твои посты будут связаны с казармой телефонами. За день-два сделают.

Повесив трубку, Иван попытался разобраться в обстановке. Начальник отдела подозревает, что неизвестные напали на пост для того, чтобы отвлечь внимание охраны от чего-то другого. От чего же? От моста? На первый взгляд похоже на правду, но только на первый взгляд. А на самом деле все выглядит очень наивно. Конечно, обстрелянный пост находится верстах в трех от моста. Ясно, что охрана кинется к месту перестрелки. Но ведь посты-то с моста все равно не будут сняты, а наоборот их усилят. Значит, попытка отвлечь внимание охраны от моста заранее обречена на провал. Не дураки же налетчики, должны же они понимать, что нападение на любой пост насторожит охрану всех объектов. Тем более такое наглое, открытое нападение. Значит, дело не в складе и не в мосте. Могутченко прав. Они хотели отвлечь внимание от чего-то другого. От чего же?

В мозгу Ивана возникло подозрение, в котором он не сразу признался даже себе. Неужели этим «другим» является домик Когутов? Если так, то их замысел удался. В суматохе Полозов совсем забыл о Когутах, о бане и даже о посланном в дозор Старостине. Но поднимать такой переполох для того, чтобы помешать командиру взвода охраны прийти в дом путевого обходчика, это же стрельба из пушки по воробьям. Впрочем, по воробьям ли? Может быть, в домике Когута скрыто что-то такое, из-за чего стоит идти на любой риск. Так неужели все дело в Когутах? А если не в нем, то в чем же?

Глубоко задумавшийся Полозов не заметил, как в комнату вошел Козаринов.

— Товарищ командир, — с нескрываемой тревогой в голосе доложил отделком, — боец Старостин пропал.

— Как пропал?! — поразился Полозов. — Он вам докладывал, куда идет?

— Так точно, докладывал. Сорок минут тому назад я с двумя бойцами пошел подменить Старостина, но его нигде не оказалось.

— Что за чепуха?! Может быть, он у Когута. Я приказал ему зайти к ним, если потребуют обстоятельства.

— К Когуту мы не заходили, товарищ командир, но с насыпи через окна видно, что в домике Старостина нет. Там только один Данило Романович. Старик чаевничать собирается, самовар на стол ставил.

— Куда же мог пойти Старостин? — озадаченно проговорил Полозов, чувствуя сердцем, что произошло что-то страшное и непоправимое. — Кроме, как у Когута, ему быть негде.

Он встал и подошел к телефону. Данило Романович, пожалуй, единственный, кто мог сказать хоть что-нибудь о Старостине.

Но сколько Полозов ни крутил ручку, шестьсот вторая верста не отвечала. «Куда они там подевались? Поезда все прошли, на линии Даниле Романовичу делать нечего. Да и Галя должна быть всегда дома. Неужели до сих пор в бане? А может, и на самом деле наше ЧП связано с Когутом? Но где же тогда Старостин?» — с нарастающим беспокойством думал Иван, настойчиво крутя ручку аппарата.

Через перегородку из общего помещения казармы доносились веселые голоса только что сменившихся с постов часовых. Намерзшие бойцы, довольные теплом казармы и ожидавшим их четырехчасовым отдыхом, оживленно болтали, смеялись, шутливо переругивались. Но вдруг хлопнула ведущая на улицу дверь, и веселую разноголосицу словно водой залило. В казарме установилась тишина. Полозов удивленно оторвался от телефона. Что там случилось? Может быть, Старостин вернулся? Раздалось торопливое постукивание деревяшки, распахнулась дверь, и в комнату не вошел, а ворвался старый Когут.

В нижней рубашке, с широко распахнутым воротом, смерзшимися на морозе волосами, он был страшен и одновременно жалок.

— Галку-то мою... Галку... убили... — растерянно глядя на Полозова, прохрипел Данило Романович и вдруг рухнул грудью на стол, вцепился пальцами в волосы и зашелся в диком

зверином вое: — Галю-у-у! Галю-у-у... Галочку мою-у-у!..

С трудом удалось Полозову прекратить страшную в своем неистовстве истерику старика. Имевшийся во взводной аптечке флакончик валерьянки опустел больше чем наполовину, пока Данило Романович смог более или менее внятно рассказать о случившемся.

В этот вечер Когуты долго ждали Ивана Полозова. Данило Романович никак не хотел идти париться без него. Лишь прождав понапрасну до девяти часов вечера, раздосадованный Данило Романович вместе с Галей отправился в баню. Обратный старый Когут вернулся один, распаренный и умиротворенный. Галя задержалась, чтобы простирнуть кое-что из белья, благо горячей воды оставалось еще много.

— Поставь там самовар, — наказала она мужу. — Да смотри новую бутылку не распочинаяй. Для гостя приготовлена. Хватит тебе и того, что от прошлого раза осталось.

Во время возни с самоваром Даниле Романовичу показалось, что его кто-то окрикнул с полотна железной дороги. Но когда самовар разгорелся и Данило Романович выглянул в сенную дверь, на полотне никого не было. Старик решил, что ему это просто показалось.

Вот вскипел самовар, Данило Романович собрал на стол, а Гали все не было. Прошло больше часа. Недовольный задержкой жены, Когут, как был в нательной рубахе и портах, вышел на крылечко и покричал. В бане горел свет, но Галя не отзывалась. Думая, что занявшись стиркой, жена не слышит его зова, Данило Романович, недовольно ворча, заковылял к бане. Дверь из предбанника в мыльню была открыта. Предчувствуя недоброе, Данило Романович вошел в баню и увидел, что лежащая на полу Галя мертва. В отчаянии старик с плачем и воплями обежал вокруг бани, пытаясь найти следы убийц, а затем, не одеваясь, забыв про морозную ночь, побежал за помощью к Полозову.

Не успокоив, а по существу оглушив почти потерявшего разум старика слоновьей дозой валерьянки, Иван позвонил на Узловую в отдел. Могутченко там уже не было. Полозову ответил Сазонов — помощник Могутченко. Ивану даже

показалось, что в отделе ждали этого его звонка. Сазонов, выслушав сообщение Полозова, не раздумывая, ответил:

— Прими меры, чтобы все сохранилось, как было. С запасным паровозом к тебе выезжают судебный врач и следователь.

— Вот те на! — удивился Иван. — А следователь-то на черта нужен?! Сам справлюсь.

— Тише, Ваня, не кипятись, — осадил его Сазонов. — Так Могутченко приказал. Он как в воду смотрел. Видимо, ждал, что у тебя какая-то катавасия будет. И, видимо, еще чего-то ждет. Вот тебе его приказ. Держись в рамках командира взвода охраны. Свой чекистский опыт не выказывай. В общем с виду будь простым «Ванькой-взводным» и никаких гвоздей. А смотри между тем в оба, как чекист, зорко смотри. За это с тебя спросится. Понял?

— Ни черта я не понял, — недовольно ругнулся Полозов. — Мудрите вы что-то.

— Ну, а как же, — добродушно согласился Сазонов. — Конечно, мудрим. На то мы и начальство, чтобы мудрить. А ты главное, смотри в оба.

— Скоро ваши спецы приедут? — не скрывая раздражения, спросил Иван, чувствуя, что его все еще отводят от оперативной работы.

— Не позднее чем через час двадцать. Договорюсь — дадут зеленую улицу.

— Ладно. Жду.

— Главное — смотри, чтобы следы не затоптали.

— Никуда эти следы не денутся. Сейчас сам выведу туда.

Иван, приказав Козаринову с рассветом начать поиски Старостина, сам с четырьмя бойцами и Когутом, закутанным в необъятный постовой тулуп, помчался на дрезине к шестисот второй версте. Мороз крепчал не на шутку. Бойцы подняли воротники теплых овчинных полушубков, сам Иван опустил уши треуха, и только Данило Романович не обращал никакого внимания на ледящий воздух, свистевший вокруг быстро мчавшейся дрезины. То ли действовала чрезмерная доза валерьянки, то ли просто сознание старика отупело под тяжестью страшного несчастья, но сейчас, по крайней мере внешне, Данило Романович казался спокойным.